

2

Л. И. Брежнев в воспоминаниях советских дипломатов и советников по международным вопросам

А. М. АЛЕКСАНДРОВ-АГЕНТОВ

От Коллонтай до Горбачева

<Фрагмент>

Чехословакия

Отношения с этой страной Брежнев всегда считал одним из центральных элементов всей нашей европейской политики, надежного баланса сил между Востоком и Западом. Он считал Чехословакию, наряду с Польшей и ГДР, ядром Организации Варшавского Договора¹, причем наиболее надежным, заслуживающим наибольшего доверия компонентом этого ядра (и в политическом, и в экономическом отношении).

Чехословакию Леонид Ильич знал и любил. В основе лежали сохранившиеся воспоминания о совместных с чехословацкой бригадой военных действиях на Карпатах в конце войны, личная дружба с командиром бригады Людвигом Свободой, близость к кругам, возглавившим антифашистское национальное восстание в Словакии в 1944 году (Шверма, Гусак и др.)². Не случайно, вероятно, одной из первых официальных поездок молодого председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева в Европу стала поездка в мае 1961 года в Чехословакию (именно с участия в ней и началась моя работа у Брежнева). Прага, Братислава, Пльзень, Усти-над-Лабем — во всех этих городах и нескольких других населенных пунктах побывал Брежнев во время своих поездок в ЧССР, многократно выступал на митингах — в залах и во дворе Пражского Кремля, на площадях Братиславы и Усти, на крупных заводах. Я уж не говорю о многочисленных контактах и переговорах с чехословацкими руководителями.

В Карловых Варах в течение многих сезонов лечилась жена Леонида Ильича Виктория Петровна.

При обсуждении вопросов экономических связей с членами СЭВ Брежнев неизменно отводил Чехословакии одно из приоритетных мест.

Отношения с руководством ЧССР всегда рассматривались в Москве как в целом хорошие, серьезных политических разногласий не возникало, появлявшиеся текущие проблемы (в основном экономического порядка) решались так или иначе спокойно, в рабочем порядке. Что же касается *личных контактов* с руководителями в Праге, то картина была сложнее. К президенту республики и руководителю КПЧ Антонину Новотному³ Брежнев и его коллеги относились в общем хорошо, считали лояльным союзником. Однако было видно, и Леонид Ильич в своем кругу не раз об этом говорил, что Новотный не особенно сильный руководитель: слабо знает экономику, не имеет большого политического авторитета, работник кабинетного стиля. («Это не Готвальд и не Запотоцкий», — говорил Брежнев⁴). Были случаи, когда Брежнев в разговорах с Новотным напрямую критиковал те или иные стороны его политики, например недостаточно чуткое отношение к словакам, тенденции к уравниловке в оплате труда. («Куда это годится, когда квалифицированный инженер и простой рабочий получают одинаково? Это вы слишком спешите в коммунизм!») Новотный воспринимал такие замечания спокойно, без обиды, но, кажется, не делал из них особенных выводов на практике.

Из членов чехословацкого руководства, которые Брежневу были ближе, можно, пожалуй, назвать следующих: премьер Йозеф Ленарт, второй секретарь Президиума ЦК Василь Биляк, председатель ЦКК Милош Якеш, министр иностранных дел Вацлав Давид. К таким деятелям, как О. Черник и Л. Штроугал, Брежнев относился с определенной настороженностью, считая их слишком «технократами» и поэтому, может быть, слишком склонными «смотреть на Запад». К секретарю ЦК, И. Гендриху Брежнев относился скорее негативно, считая его честолюбивым аппаратчиком-карьеристом. С Дубчеком, пока тот был первым секретарем ЦК в Братиславе, отношения вроде бы сложились добрые.

Ту прослойку чехословацкой «номенклатуры», которая была становым хребтом будущей «пражской весны», отражая чаяния прежде всего прозападно настроенной части интеллигенции (например, Кригель, Цисарж, Пеликан, Шик, Смрковский и др.⁵), Брежнев и его коллеги, по-моему, просто толком не знали и в расчет не принимали (хотя, конечно, определенную информацию из нашего посольства получали).

Словом, когда к концу 1967 года положение внутри чехословацкого руководства сильно осложнилось и над Новотным стали

сгущаться тучи, для Брежнева и других членов советского руководства это не было совсем неожиданным, но негативных настроений в массах, выразившихся в событиях «пражской весны», они не предвидели и не ожидали.

Ясно было, однако, что положение Новотного под угрозой: его могут сместить с непредсказуемыми политическими последствиями. Об этом предупреждали через совпосла наиболее близкие нам деятели (Ленарт, Биляк и др.).

И вот тогда Брежнев решил на шаг, необычный для его практики, но характерный для его веры в возможности «личной дипломатии». В конце декабря 1967 года он неожиданно летит в Прагу, где, не теряя времени, приступает к прямым личным беседам поочередно со всеми наиболее видными и влиятельными членами чехословацкого руководства с целью предотвратить кризис, примирить конфликтующих и «спасти» Новотного. Все переговоры шли один на один (в присутствии только совпосла и автора этих строк). И продолжались они *18 часов без перерыва* — день, ночь, утро...

Это была попытка уговорить ведущих деятелей тогдашнего Президиума ЦК не создавать угрозу стабильности в партии и стране, не подвергать опасности ровный ход развития советско-чехословацкого сотрудничества. Большинство собеседников настаивали на том, что Новотный более не в состоянии эффективно руководить партией и страной, не пользуется авторитетом. При этом характерно, что обвинения носили исключительно *личный* характер, об изменении курса внутренней и уж тем более внешней политики никто из собеседников, насколько я помню, даже не говорил. Жаловались на самоуправство и непокладистость Новотного, что, по их мнению, привело к созданию в стране социальной и международной напряженности. Дубчек даже со слезами на глазах жаловался, что его, первого секретаря ЦК Компартии Словакии, много лет прожившего в СССР, Новотный отказался включить в состав делегации на празднование 60-летия Октября в Москве. А когда секретарю Президиума ЦК КПЧ Гендриху Брежнев прямо задал вопрос, кто, по его мнению, мог бы с успехом и достаточно авторитетно заменить Новотного на его постах (секретарском и президентском), Гендрих, не моргнув глазом, немедленно ответил: «Я».

Когда он вышел, Брежнев только покачал головой и сплюнул.

Словом, 18-часовой переговорный марафон оказался практически безрезультатным. На сплочение чехословацких руководителей уговорить не удалось. Дело кончилось тем, что Брежнев, махнув рукой, сказал: «Поступайте, как хотите» и улетел в Москву. Это

и предрешило судьбу Новотного, а также дальнейшее развитие событий.

Судя по всему, ни Брежнев, ни другие члены Политбюро ЦК КПСС не представляли себе всего размаха процесса, который уже начинал разъедать КПЧ и чехословацкое общество, глубины протеста против административно-бюрократического режима, утвердившегося в стране, а также организованности и активности антисоциалистических сил в стране (прежде всего значительной части интеллигенции) и прочности их связей с Западом, особенно с социал-демократией.

Вскоре на пленуме ЦК КПЧ Новотный был освобожден от обязанностей первого секретаря, сохранив на время лишь пост президента республики (в тех условиях в значительной степени формальный). Партию возглавил Александр Дубчек — идеалист, искренне, по-видимому, стремившийся к демократизации и гуманизации сложившейся в Чехословакии системы (лозунг — «социализм с человеческим лицом»), но человек слабохарактерный, склонный к позерству, поддающийся лести, даже самой грубой. Его тут же окружила плотным кольцом когорта деятелей по сути буржуазно-либерального толка⁶, для которых социалистическая фразеология была лишь прикрытием, как и безудержное восхваление Дубчека (расклеенные по стране плакаты-портреты с надписями «Дубчек Саша — гордость наша!», «Дубчек — наш Ленин» и т. п.). Эти деятели (имена некоторых я уже называл) развернули широкую и настойчивую кампанию, охаивая весь политический курс ЧССР, ее внутреннюю и внешнюю политику, идеологию социализма, распространяя в едва прикрытой, а то и совсем откровенной форме враждебность к Советскому Союзу. Все чаще звучали призывы политических деятелей и печати к изменению внешней политики Чехословакии, к «нейтралитету», выходу из Варшавского Договора и даже вступлению в НАТО. Естественно, все это встречало одобрительные отклики и активную поддержку на Западе.

В такой обстановке Брежнев ясно понял, что методы «личной дипломатии» не годятся и ответственность за возникшее положение и дальнейший ход событий одному нести нельзя. И собственное Политбюро, и союзники по Варшавскому Договору требовали активной реакции.

Для советского руководства и его союзников начался долгий, мучительный период поисков решения «чехословацкой проблемы». Вопрос о положении в Чехословакии не сходил с повестки дня заседаний Политбюро и контактов с союзниками. И, конечно, контактов с Прагой.

Споры были долгие и горячие. Однажды мне при шлось присутствовать на заседании, где коллективно, в составе примерно 15 человек (члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК, один-два заведующих отделами ЦК), создавался текст письма, задачей которого было оказать «образумливающее» воздействие на руководство КПЧ. Это было ужасное зрелище! Текст писался несколько часов подряд, причем каждый стремился внести свою лепту, нередко противоречившую другим. Были «ястребы», были почти «голуби», были осторожные молчуны. Только одного не было — общего, единого подхода к вопросу. И Брежнев в то время не был готов служить камертоном: он сам еще был растерян, вдумывался, прислушивался к мнениям других. И так потом происходило неоднократно.

По мере развития в Чехословакии процесса «либерализации» все настойчивее стали раздаваться голоса, призывавшие к вводу войск в ЧССР для приостановки этого опасного, как считали, процесса. Особенно настойчиво требовали этого Ульбрихт и Гомулка, беспокоившиеся за безопасность своих стран в случае отпадения Чехословакии от союза. Были и у нас горячие головы, требовавшие «решительно вмешаться». На одном из таких заседаний (кажется, весной 1968 г.) присутствовавший посол в ЧССР Червоненко прямо заявил: «Если мы пойдем на такую меру, как ввод войск, без должной политической подготовки, то чехословаки будут сопротивляться — и прольется кровь». Этого никто не хотел. Брежнев на протяжении ряда месяцев занимал крайне осторожную позицию. Однако во время одного заседания, сойдя с председательского места, подсел на минутку к Червоненко и сказал ему: «Если мы потеряем Чехословакию, я уйду с поста генерального секретаря!»

«Политическая подготовка», о которой говорил посол, а вернее, поиски какой-то взаимоприемлемой договоренности с дубчевским руководством КПЧ продолжались долго — более полугода — в различных формах. Напомню здесь только о главных этапах.

В марте 1968 года в Дрездене, по инициативе руководства КПСС, состоялась встреча руководителей партий и правительств пяти стран: Болгарии, Венгрии, Польши, СССР и Чехословакии. С чехословацкой стороны участвовали Дубчек, Черник и др. (Румын не было, так как Чаушеску с самого начала отмежевался от всяких акций в отношении ЧССР, опасаясь, очевидно, что его постоянные разногласия с союзниками по многим вопросам могут обернуться чем-то похожим и против его режима.)

Гомулка, Ульбрихт, Живков активно выражали свою обеспокоенность событиями в Чехословакии, призывали принять меры к предотвращению угрозы принципиальным основам со-

циалистического строя. Брежнев их поддержал. Дубчек всячески старался успокоить своих собеседников, уверяя, что КПЧ надежно контролирует ход событий и выступает за сохранение союза со странами социализма. В сообщении о встрече было сказано, что «в сложившейся ситуации особенно важное значение имеет повышение бдительности в отношении агрессивных устремлений и подрывных действий империалистических сил, направленных против стран социалистического содружества». Делегации, участвовавшие во встрече, заявили о своей решимости «принимать необходимые меры и шаги для дальнейшего сплочения социалистических стран на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма*».

В общем же можно сказать, что встреча окончилась ничем. Стороны ни в чем не убедили друг друга и расстались с чувством взаимного недоверия. Это я хорошо помню, так как присутствовал на встрече и следил за всеми ее перипетиями.

Последующие месяцы события шли по нарастающей. Все более резкой и бесцеремонной становилась кампания в средствах массовой информации и на различных общественных форумах ЧССР, направленная против ГДР, Польши, против внешней и внутренней политики СССР, все более развязными становились выпады против советских руководителей. В апреле была обнародована обширная «Программа действий КПЧ», намечавшая пути отхода от прежнего общественного и экономического курса, а в июле — якобы неофициальный, но обошедший всю страну «манифест» откровенно антисоциалистического содержания «Две тысячи слов»⁷. На сентябрь был намечен созыв чрезвычайного съезда КПЧ. Дело явно шло к закреплению отхода Чехословакии от социалистического содружества. Сторонников дружбы с СССР в рядах КПЧ преследовали и всячески травили.

В этой обстановке был предпринят еще один политический шаг: собравшись в июле в Варшаве, делегации компартий Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР направили совместное письмо Центральному Комитету КПЧ. «Силы контрреволюции, — говорилось в письме, поддерживаемые империалистическими центрами, развернули широкое наступление на социалистический строй в Чехословакии, не встречая необходимого противодействия со стороны партии и народной власти. Возникла угроза основам социализма в Чехословакии». Участники встречи выразили в заключение убеждение, что Компартия Чехословакии, ее рабочий класс, крестьянство и интеллигенция «примут необходимые меры,

* См.: Правда. 1968. 28 марта.

чтобы преградить путь реакции и силам контрреволюции, чтобы сохранить и упрочить социализм в Чехословакии»*.

Таким образом, язык, которым страны — участницы Варшавского Договора разговаривали с режимом Дубчека, становился все более жестким и угрожающим. Дело явно шло к той или иной форме вмешательства извне. Видимо, примерно с этого времени и началась военно-техническая подготовка к возможному вводу войск, хотя политического решения на этот счет принято еще не было. Брежнев и ряд других членов Политбюро (Косыгин, Суслов) продолжали колебаться.

В конце июля был предпринят еще один, совершенно необычный по своей форме, шаг: было решено пойти на «фронтальную» встречу полных составов двух политбюро — КПСС и КПЧ, чтобы в ходе прямого и откровенного обмена мнениями попытаться найти выход из возникшего положения. Так как ни одна из сторон не желала быть «вызванной» на территорию другой для подобного объяснения, договорились встретиться на границе. Переговоры происходили в маленьком здании железнодорожного клуба чехословацкой пограничной станции Чиерна-над-Тисой, а жили делегации в поездах — каждая по свою сторону границы. Нельзя сказать, чтобы внешняя обстановка этих продолжавшихся пять дней (с 28 июля по 1 августа) переговоров была особенно привлекательной. Маленький, душный зал, где еле-еле разместились за длинным столом участники бесед, душные, жаркие купе в вагонах, деревянные будочки «удобств», построенные вдоль поездов... Да и внутренняя атмосфера переговоров была немногим лучше. Хотя советская сторона практически ничего не требовала от своих партнеров, кроме прекращения антисоциалистической, антисоветской и «антиваршавской» кампании в ЧССР, Дубчек и его «команда», подогреваемые интенсивной до предела пропагандой, развернутой (не без помощи и активного участия Запада) внутри Чехословакии, не склонны были быть особенно сговорчивыми. Атмосфера за столом постепенно накалялась. Обвинения и контробвинения сыпались с обеих сторон. Хотя Брежнев (как, впрочем, и Дубчек) держался спокойно, с обеих сторон нашлись запальчивые деятели, позволявшие себе и тяжелые обвинения, и грубость. С нашей стороны этим особенно отличались П. Е. Шелест и Н. В. Подгорный, у чехов — Ф. Кригель. Помню, в один из таких периодов я повстречал в фойе также вышедшего из зала Й. Ленарта (тогда он был секретарем ЦК КПЧ, а до недавнего времени — главой правительства ЧССР). Этот сдержанный, скромный

* См.: Правда. 1968. 18 июля.

человек, искренний друг СССР, был явно потрясен происходящим. Слабо улыбнувшись, он сказал мне: «Да, сейчас самое время подставить голову под кран с холодной водой». Когда накал страстей привел к прекращению переговоров и чехословацкая делегация демонстративно покинула зал, Леонид Ильич провел личную встречу с Дубчеком в его вагоне. В ходе длительной и, видимо, очень трудной беседы один на один удалось убедить чехословацкого руководителя завершить встречу в Чиерне в более или менее приличной форме, даже с опубликованием совместного коммюнике, в котором говорилось о поисках путей дальнейшего развития и укрепления советско-чехословацких отношений.

Еще более существенным было то, что Дубчек дал согласие на продолжение, переговоров, на этот раз с участием делегаций компартий Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши.

Такие переговоры «шестерки» состоялись сразу же после Чиерны — 3 августа, и прошли они в столице Словакии Братиславе. Выступления делегаций ничего нового не принесли: та же критика со стороны пятерых союзников (особенно Ульбрихта) и те же объяснения и обещания чехословацкой стороны. Однако обстановка, казалось, была более конструктивной. В течение одного дня было выработано (при самом активном участии советской стороны) и принято всеми итоговое заявление. Это очень любопытный документ. В нем можно найти все, в чем была заинтересована и та, и другая сторона. Там говорилось и о «дальнейшем развитии социалистической демократии», и об «уважении суверенитета и национальной независимости» всех соцстран. Это должно было удовлетворить руководителей КПЧ. С другой стороны, в том же заявлении мы видим весьма много значительную фразу о том, что «поддержка, укрепление и защита завоеваний социализма, достигнутых ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран»*. А это, согласитесь, выглядело как прямое оправдание возможности вмешательства во внутренние дела, то есть того, чему предстояло произойти в отношении Чехословакии через какие-то две с небольшим недели. И этот текст был принят чехословаками.

Так кто же кого «переиграл» с этим компромиссным братиславским документом?

Примирение, к которому, я убежден, искренне стремился Брежнев, на поверку оказалось иллюзией. В тот же самый вечер, когда окончилась работа «шестерки», на одной из центральных

* См.: Правда. 1968. 4 августа.

площадей Братиславы был организован грандиозный митинг «в защиту Дубчека». Выступая с балкона перед десятками тысяч людей, Смирковский (председатель Национального собрания, член Президиума ЦК КПЧ) произнес истерическую речь, подогревая настроение масс против СССР и его союзников, и для пущего эффекта разорвал на себе рубашку при свете мощных прожекторов.

А тем временем, если верить воспоминаниям П. Е. Шелеста, в тот же день в Братиславе представителями просоветски настроенных сил ЧССР ему было передано адресованное советскому руководству обращение с призывом ввести в Чехословакию войска союзников, чтобы не допустить крушения социалистического строя в этой стране. Мне лично этот документ видеть не довелось, но упоминания о нем я слышал неоднократно. Думаю, он послужил финальным импульсом к принятию давно уже назревшего решения о вводе войск. Дальнейший ход событий был уже предрешен, и поскольку в дни, следовавшие за Братиславой, с чехословацкой стороны не было предпринято ровным счетом ничего, чтобы как-то смягчить, разрядить установившуюся в стране враждебную в отношении СССР и его союзников атмосферу, Брежнев оставил свои колебания и в ночь с 20 на 21 августа, акция по вводу войск Советского союза, Польши, ГДР, Болгарии и Венгрии была осуществлена. Характерно, что Брежнев не пожелал фигурировать в качестве единственного руководителя этой операции советской стороны: эту ночь он провел в здании Генерального штаба ВС СССР вместе с А. Н. Косыгиным и Н. В. Подгорным, наблюдая за всем ходом операции.

Военно-технически она была проведена безупречно. За какие-то считанные часы через границы ЧССР сразу из нескольких стран по суше и по воздуху, совершенно неожиданно для окружающего мира, в том числе и для разведок НАТО, были переброшены сотни тысяч войск, оккупированы аэродромы, прежде всего в Праге, оцеплены важнейшие объекты.

Но самое главное состоит в том, что не было пролито *ни одной капли крови*. Операция и задумывалась союзниками как чисто *политический шаг*, но полной уверенности в том, какотреагируют чехословаки, не было. Помогло прямое обращение через совпосла в последний момент, за пару часов до высадки десанта, к старому другу Брежнева президенту ЧССР Людвигу Свободе, поддержанное министром обороны М. Дзуром. Чехословацкие войска получили приказ не оказывать сопротивления, подтвержденный затем руководством КПЧ.

Никаких действий против населения или администрации ЧССР вступившие в страну войска не предпринимали. По договоренно-

сти с руководителями других стран-участниц акции был, однако, предпринят один существенный шаг: из-за боязни, что все-таки будет организовано сопротивление, решили задержать и изолировать Дубчека и наиболее активных его сторонников в руководстве (Черника, Смирковского, Кригеля и еще нескольких человек, но, конечно, не Свободу). Задержанных доставили самолетами в различные пункты Польши и СССР и временно разместили там. Это, однако, продолжалось недолго. Уже 23 августа в Москве начались официальные переговоры советского руководства во главе с Брежневым и руководителей ЧССР, в том числе Свободы (прилетевшего из Праги), Дубчека, Черника и др. Тема переговоров — меры по постепенной нормализации положения, недопущение эксцессов и столкновений. Соответствующие договоренности были достигнуты, и уже вскоре начался процесс отвода войск. Было условлено, что немцы, поляки, болгары, венгры уйдут полностью, а в Чехословакии останется лишь небольшая часть (несколько десятков тысяч человек) советского контингента, которая будет размещена не в центре страны, а в районе ее западной границы, причем ни в какой форме не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь страны. Условия пребывания советских войск были оговорены специальным *межправительственным соглашением*, подписанным в октябре.

Руководство страны, возглавляемое Свободой и Дубчеком, продолжало оставаться на своих местах, и лишь постепенно от него начали отпадать наиболее непримиримые антисоветские элементы (типа Кригеля). Но общую тональность политики в отношении СССР и других государств — участников Варшавского Договора чехословакам пришлось, конечно, сменить. Враждебные выпады прекратились, призывов к выходу из ОВД больше не было слышно. А ведь это, если разобраться, именно то, чего прежде всего добивалось руководство КПСС в Дрездене, Чиерне, Братиславе.

В своей книге «Личность и эпоха» известный историк Р. А. Медведев приходит к выводу, что советские руководители, пойдя на ввод войск в Чехословакию, «В сущности... потерпели крупнейшее политическое поражение»*, поскольку им не удалось добиться замены дубчековского руководства в ЧССР новым, которое состояло бы из просоветских деятелей, а Дубчек и его коллеги были «восторженно» встречены в стране по возвращении из Москвы. Думаю, что такой вывод не бесспорен. И вот по каким причинам.

Конечно, вступление иностранных войск вызвало резко отрицательную реакцию у значительной части населения Чехос-

* Медведев Р. Личность и эпоха. М., 1991. С. 211–212.

ловакии, и в этом смысле по чехословацко-советской дружбе был нанесен сильный удар, а СССР и его союзники, пойдя на такое вмешательство, основательно скомпрометировали себя в международном плане. Недаром позже, в годы «перестройки», это вмешательство было официально осуждено руководящими органами нашей страны.

С другой стороны, однако, надо помнить и обстановку тех лет, когда происходили события, о которых идет речь: разгар «холодной войны», крайнее обострение отношений с Западом, в том числе из-за войны во Вьетнаме, конфликт с Китаем. В этих условиях согласиться с отходом Чехословакии в той или иной форме от союза социалистических государств и идти на риск развала этого союза (как это и произошло двумя десятилетиями позднее, в совсем иной обстановке) для советского руководства было, конечно, немислимо. И Брежнев решил тогда эту проблему по-своему, по-брежневски — не путем организации «путча» или подавления народного движения, а путем осторожного, ловкого маневрирования на протяжении примерно года, то есть до того времени, когда укрепило свои позиции новое руководство КПЧ во главе с Г. Гусаком. В целом Брежнев выражал удовлетворение тем, как прошла и завершилась «чехословацкая эпопея». С его точки зрения, в то время удалось отстоять государственные интересы СССР и стабильность в Европе сравнительно недорогой ценой.

Как бы заключительной чертой, подведенной под чехословацкими событиями, явился визит Брежнева в Прагу в мае 1970 года, подписание нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с ЧССР, теплый прием советского лидера на массовом митинге во дворе Пражского Кремля⁸.

